

библиотека **Коммерсантъ**

КОЛЛЕКЦИЯ ИСТОРИЙ

ари • Анна Чапман • WikiLeaks.org • операция «Gold» •
ндзя • Google • Меир Даган • Джулиан Ассандж • Сомерсет
о Азеф • Хуан Лазаро • Гэри Пауэрс • Адольф Гитлер • Стивен
в Ираке • «Энигма» • Сунь Цзы • Ян Флеминг • Джордж Буш • Гестапо

ШПИОНЫ среди нас

СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

«За такое журналистское
расследование
и за решетку можно
удобить».

Владимир Путин

Шпионы среди нас: секретные материалы

«Коммерсантъ»

2011

Шпионы среди нас: секретные материалы / «Коммерсантъ», 2011

Шпионский театр не закрывает занавес вот уже на протяжении тысячелетий, и сейчас интерес к теме опять на пике. Как и театральный актер, шпион играет роль, получая редкую возможность прожить несколько жизней. Но в отличие от обычного театра в шпионском шапито все страсти всамделишные, драматургия не знает поправок: яд, пуля, деньги, обман, ложь и предательства – все на самом деле, жизнь или смерть. Авторы рассказывают правду о шпионской профессии, ее изнанке, о тайном противоборстве держав. Искусство тонкой интриги, мастер-класс блефа, скрытые страсти, сенсационные расследования... Все это собрано под одной обложкой. Вы узнаете самые неожиданные факты из жизни знаменитых шпионов как прошлого, так и настоящего, включая Анну Чапман, Кэвина Митника, Михаила Власенкова и многих других.

, 2011

© Коммерсантъ, 2011

Содержание

Предисловие	5
Часть 1	7
Шпионы смерти	7
Женские штучки	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Шпионы среди нас: секретные материалы

*«Все приличные люди вышли из разведки. Я тоже». —
Так, по словам Владимира Путина, обозначил Генри Киссинджер
во время знакомства их профессиональное родство.*

Предисловие

Каждый может стать шпионом. Из любопытства, за деньги, из жажды приключений, патриотических или идеологических чувств, по желанию, принуждению, глупости или даже не подозревая о том. Шпионские сюжеты остаются одними из востребованных в мировом кино. Джеймс Бонд и Штирлиц сумели не только превратиться в национальные символы, но и остаться над обстоятельствами по праву киногероев.

Но в жизни шпион – это разменная монета. Как правило, реальных персонажей ждет небытие при жизни и после смерти, мучительная жизнь под чужим именем, полная страхов и подлости, одинокая старость, беспокойная совесть и порой жуткая смерть.

И вот мы решили сделать книгу о правде шпионской профессии, ее изнанке, о невидимых миру трагедии, боли, ужасах и скорби. В этом смысле шпион – это сгусток, квинтэссенция человеческих страстей.

Шпионский театр не закрывает занавес вот уже на протяжении тысячелетий. Как и театральный актер, шпион играет роль, получая редкую возможность прожить несколько жизней.

Советский разведчик-нелегал в Иране Андрей Вартанян (отец другого разведчика – Геворка Вартаняна) для прикрытия держал кондитерскую лавку. Причем доходы с нее позволяли Андрею целиком обеспечить работу своей разведгруппы – и даже больше. На его средства, переправленные в Центр, в годы Великой Отечественной был построен танк.

Также на полной самокупаемости находился один из лучших советских разведчиков-нелегалов времен «холодной войны» Конон Молодой. Его бизнес по прокату музыкальных, игровых и торговых автоматов (вендинг, говоря современным «рыночным» языком), открытый на деньги КГБ, приносил настолько существенную прибыль, что Молодой не только содержал свою многочисленную высокооплачиваемую агентуру, но и переводил «на счет» своего «главного акционера» немалые суммы. «Весь оборотный капитал и прибыль моих четырех фирм (а это миллионы фунтов стерлингов!), умножаемые каждый год не без моей помощи, были «социалистическим имуществом». Парадоксально, но факт!» – вспоминал Молодой уже после своего возвращения в СССР.

Свою службу в разведке многие ветераны капитализируют, разумеется, через мемуары. Джордж Блэйк, начинавший карьеру в английской разведке, а затем перешедший на сторону СССР (прославился участием в операции под кодовым названием «Gold» и дерзким побегом из лондонской тюрьмы 22 октября 1966 года), пошел еще дальше. Осенью 2006 года он выиграл в Европейском суде по правам человека в Страсбурге процесс против британских властей. В общей сложности от Великобритании он должен был получить €7 тыс. за волокиту в получении причитающихся ему по закону отчислений от выпущенной в Британии книги «Побег Джорджа Блэйка». Дело тянулось в лондонских судах разных инстанций с 1991 года. Страсбургский суд счел, что такая судебная тяжба нарушила права истца, и постановил, что Британия должна выплатить Блэйку €5 тыс. в качестве возмещения морального и иного ущерба плюс €2 тыс. в качестве компенсации судебных издержек.

Почти весело. Но так случается не всегда.

В отличие от обычного театра в шпионском шапито все страсти всамделишные, драматургия не знает поправок: яд, пуля, деньги, обман, ложь и предательства – все на самом деле, жизнь или смерть.

В нашей книге четыре части с очень говорящими и точно соответствующими их содержанию названиями: «Правила вербовки», «Судьба резидента», «Ошибка резидента», «Как в кино».

Владислав Дорофеев, редактор

Часть 1 Правила вербовки

Шпионы смерти

Китай. Первая половина XI века. Империя Сун, менее полувека назад едва замирившаяся с агрессивным государством киданей – Ляо, расположившимся на севере, изнемогала под натиском новой волны кочевников – тангутов, надвинувшейся на Поднебесную с запада. Война длилась уже третий десяток лет, то затухая ненадолго, то вспыхивая с новой силой.

Тангуты, помимо довольно боеспособной армии, вполне сравнимой с сунской, к тому времени уже располагали весьма талантливыми военачальниками и компетентными администраторами. Так что прямое военное противостояние не приносило сунцам не то что решительной победы, но даже и заметного перевеса.

И тогда сунцы изменили стратегию. Некий, ничем не примечательный приговоренный к смерти преступник был неожиданно помилован. Его заставили проглотить обмазанный медом восковой шарик, обрили ему голову и в одежде буддийского монаха прогнали к тангутам. Лжемонах был, конечно, схвачен и приведен на допрос. Под пыткой он признался, что проглотил восковой шарик. Ему немедленно дали слабительное. Вскрыв шарик, тангуты обнаружили послание сунского императора к главнейшим сановникам и полководцам тангутов, якобы состоявшим в тайных сношениях с сунским двором. Тангутский император принял это за чистую монету и приказал казнить предателей.

Безымянный преступник, сослуживший такую службу сунской империи, был «шпионом смерти».

О том, кто такие «шпионы смерти», какие еще бывают шпионы и зачем они вообще нужны, еще за полторы тысячи лет до противостояния империи Сун и тангутов написал великий китайский стратег Сунь Цзы. Его трактат «Бин фа» («Искусство войны») – и сейчас обязательный к изучению как военными, так и разведчиками документ, несмотря на то, что многие утверждения китайского стратега сегодня на первый взгляд выглядят странно. Например, туманное высказывание: «Не обладая гуманностью и справедливостью, не сможешь применять шпионов» – на самом деле означает, что разведка – проявление человеколюбия и сострадания, шпионаж «неправедный», «лукавый», без какого-то внутреннего благородства – неэффективен, бесполезен и в принципе не нужен. По его словам, лишь «просвещенные государи и мудрые полководцы умеют делать своими шпионами людей высокого ума и этим способом непременно совершают великие дела».

И Сунь Цзы, и многие другие китайские полководцы-мыслители (подобный тип военачальника считался идеалом китайской управленческой мысли) прекрасно понимали, что любая война – это бедствие. Мобилизация, затраты на содержание армии, военные и невоенные потери. «Когда поднимают стотысячную армию... изнемогают и не могут приняться за работу семьсот тысяч семейств».

Подобного следовало избегать любой ценой. Поэтому один шпион, раздобывший необходимую информацию, порой стоил всей армии. Шпионаж можно считать высшим пилотажем войны; это «опора, полагаясь на которую, действует армия». Это высокое искусство, доступное лишь избранным: «Все пять разрядов шпионов работают, и нельзя знать их путей. Это называется непостижимой тайной. Они – сокровище для государя».

Глава 13 «Искусства войны» (она так и называется – «О шпионах») стала первым в истории сводом законов разведывательной и диверсионной деятельности, описывающим задачи, принципы, методы и специфику этого дела.

«Местных шпионов вербуют из местных жителей страны противника; внутренних шпионов вербуют из его чиновников; обратных шпионов вербуют из шпионов противника. Когда я пускаю в ход что-либо обманное, я даю знать об этом своим шпионам, а они передают это противнику. Такие шпионы будут шпионами смерти. Шпионы жизни – это те, кто возвращается с донесением».

С первыми двумя категориями шпионов все понятно – это информаторы разной степени допуска к секретам противника и разной степени лояльности к его правителю. Завербовать неприятельского чиновника высокого ранга – значит получить в свои руки серьезнейший козырь, так как такой шпион не только обладает нужными сведениями, но и влияет на принятие решений.

«Обратный шпион» (третий «разряд» шпиона) – это перевербованный шпион противника или двойной агент. Который тем ценнее, чем выше его ранг. Сунь Цзы отмечал эту категорию шпионов особо: «Если ты узнал, что у тебя появился шпион противника и следит за тобой, обязательно воздействуй на него выгодой; введи его к себе и помести его у себя. Через него ты будешь знать все».

По иронии судьбы один из самых известных «обратных шпионов» в истории Китая был использован против одного из китайских государств – все той же многострадальной империи Сун. В период борьбы династии Сун с киданьской империей Ляо в руки киданей попал агент сунского правительства Цинь Гуй. Он был соответствующим образом одарен и направлен обратно. Дело было обставлено так, будто ему удалось бежать. Вернувшись на родину, Цинь Гуй снова поступил на службу к сунскому двору и, будучи человеком выдающихся способностей, стал быстро возвышаться и скоро достиг поста канцлера, так что все управление сунским государством в конце концов оказалось в руках тайного киданьского агента.

Действуя по условленному с киданьским правителем плану, Цинь Гуй отменил все работы по восстановлению военной мощи страны, прекратил приготовления к войне с киданями, заключил с ними мир, а всех военачальников и государственных деятелей, стоявших на страже интересов Сунской империи, устранил. Таким образом, он способствовал распаду Китая на два царства – Северное и Южное, то есть фактически признал за иноземными завоевателями весь север Китая.

Четвертый тип шпиона – «шпион смерти» – это специально подготовленный агент-provocateur, диверсант или ликвидатор. Подразумевается, что при выполнении задания такой агент погибает. Эта роль была достаточно почетной и часто доставалась сановникам весьма высокого ранга. Так, во время войны ханьского императора Гао-цзу (206–195 гг. до н. э.) с княжеством Ци Гао-цзу направил туда послом искусного дипломата Ли Ши-цы, миссия которого состояла в том, чтобы вести фальшивые мирные переговоры. И он так ловко взялся за дело, что циский князь не только согласился на мир, но и отвел свои войска с границ. Гао-цзу только этого и ждал. Как только границы оказались незащищенными, ханьский полководец Хань Синь немедленно вторгся в пределы циского княжества. Посол был, конечно, казнен, но это не спасло Ци. Княжество пало под ударами ханьцев.

Последний, пятый тип – «Шпионы жизни», – то есть те, что возвращаются с донесениями, и есть разведчики в современном понимании этого термина. Это и дипломаты, и резиденты, и нелегалы. Сам Сунь Цзы уделил им внимания не больше, чем остальным категориям. За него это сделали последователи и комментаторы.

Так, поэт, дамский угодник, стратег и философ династии Тан Ду Му в IX веке замечал: «В шпионы жизни надлежит выбирать людей, внутренне просвещенных и умных, но по внешности глупых; по наружности – низменных, сердцем же – отважных: надлежит выбирать людей,

умеющих хорошо ходить, здоровых, выносливых, храбрых, сведущих в простых искусствах (то есть разбирающихся в рисовании, инженерном деле, умеющих вести измерения и вычисления – «простыми» в китайской традиции управления назывались искусства или умения, которые сегодня мы бы назвали прикладными. – *Прим. сост.*), умеющих переносить и голод, и холод, оскорбления и позор».

В «шпионы жизни» «...выбирают таких, кто обладает мудростью, талантами, умом и способностями, кто в состоянии сам проникнуть в самое важное и существенное у противника, кто может понять его поведение, угадать, к чему идут его поступки и расчеты, уяснить себе его сильные стороны и, вернувшись, донести об этом», – подходил к этому же вопросу с несколько иной стороны другой танский государственный деятель Ду Ю веком раньше.

Последователи Сунь Цзы продолжали развивать его идеи. Японский комментатор «Искусства войны» Сорай в XVIII веке заметил, что «шпионов жизни» следует засылать под видом «шаманов, бродячих отшельников, монахов, горожан (то есть торговцев и ремесленников), врачей, гейш». Чем больше шпион походил на обычного человека, тем больше шансов у него было.

Как раз такими «шпионами жизни» (кроме тех, кому приходилось исполнять роль «шпионов смерти») были и прославленные кинематографом ниндзя. Впервые появившиеся предположительно в X веке, главную известность они приобрели в процессе феодальных войн за объединение Японии, длившихся почти полтора столетия с 1460 года. Толком о них не было известно практически ничего, а «канонический» образ ниндзя в черном балахоне с коротким прямым мечом «ниндзя-то» (ни одного реального ниндзя-то до сих пор не найдено) за спиной и целым арсеналом убийственных штучек от самонаводящихся метательных «звездочек» (обязательно должны попадать неприятелю в самую уязвимую часть тела – например, в лоб) до ручных гранат (использующихся, впрочем, больше как средство отвлечения внимания или маскировки побега) обязан своим появлением развитию популярной японской культуры в XVII–XVIII веках и западной моде начала XX века на все японское.

ДАЖЕ НА СЛУЖБЕ У ПРАВИТЕЛЯ СТРАНЫ КЛАНЫ НИНДЗЯ ОСТАВАЛИСЬ ТАЙНЫМИ СООБЩЕСТВАМИ, НЕ ВСТРОЕННЫМИ В СТРУКТУРУ ЯПОНСКОГО ОБЩЕСТВА.

Достоверно известно о ниндзя, в частности, то, что к их услугам активно прибегал Токугава Иэясу в заключительный период объединительных войн в Японии. Одолев главного противника, претендента на пост сёгуна (военного правителя страны) Тоётоми Хидэёри (сына первого объединителя Японии Тоётоми Хидэёси, вассалом которого был сам Токугава), он логично рассудил, что подобная организация вполне может быть использована против него. Тем более, что по большому счету даже на службе у правителя страны кланы ниндзя оставались тайными сообществами, не встроенными в структуру японского общества.

Поэтому Токугава спровоцировал два крупнейших клана ниндзя, Кога и Ига, на противостояние. В результате к 1604 году от общества ниндзя остались немногие – и те сумели остаться в живых, только присягнув на верность лично сёгуну. Кроме того, в связи с прекращением феодальных войн, установлением внутреннего мира и неудачей континентальной экспансии (попытка Японии захватить Корею в Имджинской войне 1592–1598 гг.) спрос на услуги шпионов резко упал.

Примерно то же самое произошло и с исмаилитами-низаритами, обогатившими европейские языки таинственным словечком «ассасин» (или «хашишин»), блиставшими на политическом и шпионском небосклоне Ближнего Востока и Европы в XI–XIII веках. Засевшим

в неприступной горной крепости Аламут неистовым воспитанникам «Горного старца» Хасана ибн ас-Саббаха приписывались чуть ли не все политические убийства того времени.

Легенде о том, что фидаев Аламута, перед тем как отправить на задание, одурманивали гашишем, после чего они просыпались в саду, где под видом гурий их ублажали прекрасные девушки, а затем им сообщалось, что «Горный старец» и в самом деле переносил их в рай, где они непременно снова окажутся, если выполнят все его указания, подарил жизнь Марко Поло (1254–1324), который сам был разведчиком на службе Монгольской империи. Свои записки он составлял спустя много лет после гибели исмаилитского государства с центром в Аламуте.

Сам же Хасан ибн ас-Саббах (чаще всего его называли просто Хасан ибн Саббах) был действительно личностью незаурядной. Он выдвинулся на фоне противостояния исмаилитов (приверженцев Исмаила, которого они почитали седьмым «скрытым имамом», который должен вернуться в образе мессии-махди, то есть, по сути, последним легитимным духовным лидером мусульман) и выходцев из глубин Средней Азии тюрок-сельджуков.

Для противодействия Сельджукидам в Иран было отправлено несколько опытных эмиссаров. Среди них был и да'и Хасан ибн ас-Саббах, сын образованного шиита-«дюжинника». 4 сентября 1090 г. ему удалось овладеть неприступной горной крепостью Аламут в области Дейлем, что в Южном Прикаспии, подкупив ее коменданта, и сделать ее центром своих будущих владений. Основной угрозой только что созданному анклаву и лично себе «Горный старец» не без оснований считал жестокого гонителя исмаилитов Низам ал-Мулка и не видел другого выхода, кроме его физического устранения.

Один из сподвижников Хасана ибн ас-Саббаха по имени Бу Тахир Аррани добровольно вызвался совершить это убийство: в середине октября 1092 года под видом просителя он пробрался к паланкину бывшего визиря, направлявшегося в шатер своих жен, и заколол его кинжалом, но и сам при этом погиб. Исламские источники единодушно считают ликвидацию Низам ал-Мулка первым актом индивидуального террора, исполненного по приказу из Аламута. Он произвел столь сильное впечатление на современников, что вскоре оброс самыми разными слухами (в том числе и о том, что Низам ал-Мулк, Хасан ибн ас-Саббах и Омар Хайям в молодости учились в Нишапуре у одного из самых образованных и благочестивых улемов Хорасана имама Муваффака и подружились).

Но никаких свидетельств в пользу того, что после устранения Низам ал-Мулка «Горный старец» намеревался поставить политические убийства на поток, нет. Однако дворцовый переворот в Каире в 1094 году заставил его порвать все отношения с Фатимидским халифатом.

Хасан ибн ас-Саббах оказался во главе тех исмаилитов, которые переворот не признали, объявив захватившего власть ал-Мустали, а затем и его потомков узурпаторами, и в знак верности трагически погибшему наследнику Низару ал-Афдалу стали называть себя низаритами. Важнейшим элементом разработанного «Горным старцем» *Да'ват-и джадид* («Нового призыва») стало учение о «скрытом» имаме. Лишившись поддержки мощного государства, он вынужден был искать новые методы борьбы и вспомнил об удачном покушении на Низам ал-Мулка...

За 70 лет (с 1092 по 1162 год) по приказам из Аламута (от самого «Горного старца» и от его наследников) было уничтожено 75 политических и религиозных деятелей, как правило, весьма высокопоставленных, в том числе 8 государей.

В принципе, 75 человек за 70 лет – весьма существенный показатель эффективности работы спецслужбы. Но надо понимать, что тайная война Аламута была лишь элементом общей войны в Европе и на Ближнем Востоке (не стоит забывать и о Крестовых походах). Часто действия низаритов были возмездием за преследования и публичное поношение. Однако нередко низариты подкупали своих идеологических оппонентов. У Рашид ад-Дина сохранился рассказ о том, как настоятель по имени Фахр ад-Дин, известный своей ученостью, однажды в своей проповеди проклял исмаилитов. Тогда по распоряжению Кийа Мухаммада к нему был

послан фидай, напавший с ножом на имама в его собственном доме. Тот взмолился о пощаде и поклялся никогда впредь не говорить об исмаилитах худого. Тогда фидай, который не собирався его убивать, поклонился имаму, передал ему 365 золотых динаров и объявил, что в случае соблюдения клятвы такая сумма будет передаваться ему ежегодно, а иначе его ждет смерть. Через некоторое время в ответ на вопрос одного из учеников, почему он перестал обличать приверженцев исмаилизма, Фахр ад-Дин ответил: «О друг, они имеют неоспоримые аргументы. Неразумно их проклинать». В течение 45 лет до самой своей смерти Фахр ад-Дин продолжал получать ежегодное содержание от низаритов.

Но с легкой руки оборотистого венецианца и австрийского востоковеда XVIII в. Йозефа фон Хаммер-Пургштала, принявшего рассказ Марко Поло о наркотическом рае Хасана ибн ас-Саббаха за чистую монету, легенда об убийцах-наркоманах отправилась гулять по Европе.

Окончательно в общественном сознании ее закрепили европейские писатели-романисты XIX века (сами не чуждые наркотическим грезам) во главе с Дюма-отцом, живописавшим действие гашиша в романе «Граф Монте-Кристо». Ни один источник никогда не упоминал о связи хашишинов с гашишем или другими наркотиками, хотя психологической и религиозной обработке фидайны «старца» подвергались самой серьезной. Напрашивающаяся ассоциация, как обычно и бывает, с легкостью завладела умами неспециалистов.

На самом деле название «хашишины» (*хашишии́я*) – скорее всего, уничижительная кличка, использованная сельджуками по отношению к своим противникам-исмаилитам. Означает она «травоеды», то есть низшие, парии, чернь. Впрочем, можно предположить, что это слово произошло от арабского *хасанийун* – последователь Хасана или «ищущий истину». Вполне вероятно и то, что исмаилиты ибн ас-Саббаха с гордостью восприняли кличку, которую дали им враги, облагородив ее содержание.

По большей же части легенды об ассасинах остаются легендами, распространению которых в свое время активно способствовали они сами, ведь это способствовало укреплению их репутации – как политической, так и профессиональной. Остальное доделывали (и продолжают доделывать) досужие толкователи.

Вот как сегодня, например, излагается история убийства одного из выдающихся полководцев Европы маркграфа Конрада Монферратского: «Хашишины долго и безрезультатно охотились за одним из могущественных европейских князей. Охрана европейского вельможи была организована настолько тщательно и скрупулезно, что все попытки убийц приблизиться к жертве неизменно терпели неудачу. Во избежание отравления или иных «коварных восточных ухищрений» ни один чужак не мог не только подойти к князю, но и приблизиться ко всему, чего могла коснуться его рука. Пища, которую принимал князь, предварительно опробовалась специальным человеком. День и ночь возле него находились вооруженные телохранители. Охрана была неподкупна...

Тогда «Горный старец» отправил в Европу двух молодых людей, которые по его приказу обратились в христианство, благо принятая среди шиитов практика «такыйя» позволяла им совершить обряд крещения для достижения священной цели. В глазах всех окружающих они стали «истинными католиками», ревностно соблюдавшими все католические посты. В течение двух лет они каждый день посещали местный католический собор, проводя долгие часы в молитвах, стоя на коленях. Ведя строго канонический образ жизни, молодые люди регулярно отпускали собору щедрые пожертвования. Их дом был круглые сутки открыт для любого страждущего. Хашишины понимали, что единственную узкую брешь в охране вельможи можно найти во время воскресного посещения им местного католического собора.

Убедив всех окружающих в своей «истинной христианской добродетели», новообращенные псевдокатолики стали чем-то само собой разумеющимся, неотъемлемой частью собора. Охрана перестала обращать на них должное внимание, чем незамедлительно и воспользовались убийцы. Однажды, во время очередного воскресного служения, одному из них удалось

приблизиться к князю и неожиданно нанести несколько ударов кинжалом. К счастью жертвы, охрана среагировала молниеносно, и удары пришлись в руку и плечо, не причинив вельможе серьезных ранений. Однако второй убийца, находящийся в противоположном конце зала, воспользовавшись суматохой и вызванной первым покушением всеобщей паникой, подбежал к жертве и нанес ему смертельный удар отравленным кинжалом в самое сердце».

Эта история расплодилась по Интернету во многом благодаря культовой компьютерной игре «Assassins's Creed», вышедшей в 2007 году. Хотя ее оригинал тоже вполне драматичен. 28 апреля 1192 года несколькими днями ранее получивший известие о том, что его прочат на престол Иерусалимского королевства, Конрад ехал верхом в сопровождении личной охраны по одной из улиц Тира. Внезапно двое бедно одетых людей набросились на него с кинжалами. Одного из нападавших стража убила на месте, второй же успел укрыться в ближайшей церкви, где попросил убежища, которое ему и было предоставлено.

Когда по городу прошел слух, что маркиз остался жив, хотя и получил несколько ранений, второй ассасин, тайно покинув церковь, сумел проникнуть в дом Конрада Монферратского и там добил свою жертву. После этого преступник умер под самыми изощренными пытками, не сказав ни слова. Убийцами все посчитали именно хашишинов, а в организации убийства обвиняли... Ричарда Львиное Сердце – во всяком случае, так утверждал известный романист, Вальтер Скотт.

Во всяком случае, шпионаж в Европе продолжал оставаться занятием в целом почетным и одновременно романтичным. И прибыльным. Его не стеснялись ни Бомарше, ни Дефо, ни Казанова.

Панъевропейская и ближневосточная финансово-кредитная сеть автоматически делала тамплиеров в XIII веке самой мощной спецслужбой своего времени. Таким же образом сильнейшая миссионерская служба вкупе с беспрепятственным доступом к сильным мира сего (благодаря покровительству папы Павла III) сделала таковыми иезуитов в XVI веке, перехвативших эту славу у венецианского «Совета десяти», двумя сотнями лет ранее наводнившего континент своими агентами.

Примерно тогда и появилось, похоже, выражение «рыцари плаща и кинжала». То было время итальянских войн, когда в уличных боях в городах Северной и Центральной Италии сходились остатки блестящего европейского рыцарства и итальянские горожане, воспитанные в духе «Ragione di adoprar sicuramente l'Arme» – трактата о фехтовании Джакомо ди Грасси 1570 года. Один из его разделов описывал технику работы с плащом в одной руке и с рапирой (или кинжалом) в другой. Плащ использовался и для обороны (намотанный на руку, он служил щитом), и для отвлечения внимания противника, и для нападения (его можно было, например, набросить противнику на голову).

Подобная «бесчестная» тактика боя воспринималась европейскими рыцарями как низкое коварство простолюдинов, и словосочетание «плащ и кинжал» начало приобретать уничижительное значение. Между тем в Италии воцарились Медичи, любимым способом разрешения политических вопросов у которых считался кинжал или яд в руках наемного убийцы. По престижу профессии шпиона был нанесен серьезный удар.

Второй удар был нанесен – уже традиционно – литераторами. Вслед за Генри Лонгфеллоу, снисходительно похваливавшим испанские комедии в стиле «плаща и шпаги», где карикатурные кабльеро картинно бряцали реквизитом и кутались в него, Чарльз Диккенс саркастически «проехался» по этому жанру, описав в романе «Барнеби Радж» архетипического шпиона в плаще и с кинжалом. Пожалуй, именно Диккенсу принадлежат лавры главного популяризатора этого термина.

Но все это случилось лишь в XIX веке. К тому же складывавшийся столетиями героико-романтический флер шпионажа поколебать было все же достаточно сложно. Тем более,

когда его поддерживали такие выдающиеся личности, как, например, монах-капуцин отец Жозеф (он же – глава секретной службы кардинала Ришелье) или шевалье Д'Эон, известный многим российским читателям по роману Валентина Пикуля «Пером и шпагой».

Отцу Жозефу мы обязаны устойчивыми словосочетаниями «серый кардинал» (самого Ришелье прозвали «красным кардиналом») и «черный кабинет» (так назывались специальные секретные покои в Лувре, где перлюстрировалась почта). А вот Шарль де Бомон (полное имя – Шарль-Женевьева-Луи-Огюст-Андре-Тимоте д'Эон де Бомон; его «однофамильцем» был герой Жан-Поля Бельмондо капитан Жослен Бомон в пронзительном шпионском боевике «Профессионал»), агент тайной разведки французского короля Людовика XV «Королевский секрет», стал настоящим символом великосветского европейского шпионажа XVIII века.

Первым его поручением была поездка в Россию, где он должен был войти в доверие к императрице Елизавете, с тем чтобы расстроить русско-австрийский альянс. Как раз этот период жизни д'Эона лег в основу романа Пикуля, хотя на самом деле достоверной информации о нем мало.

Согласно легенде, именно д'Эон «обнаружил» в Петербурге и вывез во Францию так называемое завещание Петра Великого; ряд историков считает, что агент «Королевского секрета» мог быть действительно причастен к фабрикация первоначальной версии этой знаменитой подделки. По другой версии, именно в Петербурге д'Эон стал носить женское платье и настолько преуспел в своей роли, что был допущен в число фрейлин престарелой самодержицы, ежедневно читая ей на сон грядущий.

После смерти Елизаветы Петровны д'Эон был отозван во Францию и успел принять участие в последних битвах Семилетней войны под командованием маршала де Брольи. Он был ранен и получил за храбрость орден св. Людовика.

В 1763 году д'Эон, вновь в мужском платье, получил назначение в Лондон. В его задачи входило установление контактов с британской аристократией путем кредитования их французским вином и разработка плана вторжения французов в Уэльс, для чего он ездил осматривать западное побережье страны.

Деятельность д'Эона была прервана назначением нового посла, графа де Герши, с которым шевалье не сошелся характерами. В 1764 году посол добился отстранения д'Эона от дел, однако последний, вступив в связь с другим экс-шпионом, Тевено де Морандом, написал королю письмо, в котором обвинял посла в попытке подстроить свое отравление. По-видимому, не без его участия лондонские издатели опубликовали в 1764 году переписку между агентами «Королевского секрета».

**ПОСОЛЬСТВО СТАЛО РАСПУСКАТЬ СЛУХИ О ТОМ, ЧТО
ОТСТАВНОЙ ФРАНЦУЗСКИЙ ДРАГУН НА САМОМ ДЕЛЕ – ЖЕНЩИНА.
ДОШЛО ДО ТОГО, ЧТО СТАВКИ О ТОМ, КАКОГО ШЕВАЛЬЕ ПОЛА,
СТАЛИ ТОРГОВАТЬСЯ НА ЛОНДОНСКОЙ ФОНДОВОЙ БИРЖЕ.**

По всей вероятности, именно во время этого конфликта посольство стало распускать слухи о том, что отставной французский драгун на самом деле – женщина. Дело получило широкую огласку, и в печати стали появляться карикатуры на д'Эона. Дошло до того, что ставки о том, какого шевалье пола, стали торговаться на Лондонской фондовой бирже. По другой версии, д'Эона вынудили «признать» себя женщиной, чтобы у родственников графа Герши не было возможности бросить ему вызов. Так как д'Эон считался одним из лучших фехтовальщиков Европы, то ни у кого не возникало сомнений в исходе поединка.

Прошло десять лет, прежде чем смерть короля и роспуск «Королевского секрета» открыли д'Эону возможность вернуться на континент. В ходе переговоров с Бомарше (представлявшим интересы французского правительства) д'Эон потребовал, чтобы его признали женщиной и позволили носить женское платье. Получив от короля средства на соответствующую

щее обновление гардероба, д'Эон в 1777 году вернулся на родину. С тех пор и до конца жизни шевалье звался мадемуазель де Бомон, а в 1779 году опубликовал под чужим именем мемуары под названием «Военная, общественная и частная жизнь мадемуазель д'Эон».

Ко времени д'Эона относится и возникновение промышленного шпионажа в более или менее современной форме. Так, иезуитский миссионер Пьер д'Энтреколь, проповедуя в Китае, не забывал попутно собирать информацию о технологии изготовления фарфора. Свои методы иезуит описывал так: «Помимо того, что я видел своими глазами, я многое узнал от моих вновь обращенных, из которых некоторые работали с фарфором, а некоторые торговали им. Правдивость их сообщений я подтвердил изучением китайских трактатов по данному вопросу, так что я многое почерпнул из этих книг, посвященных изумительному искусству фарфора». Помимо вербовки путем обращения в христианство ничего не подозревавших китайцев и изучения технической литературы, находившейся в открытом доступе, святой отец несколько раз проникал на императорские фарфоровые фабрики, куда чужакам был вход заказан. Несмотря на то что д'Энтреколь кое-что напутал в своих описаниях, информация, присланная им во Францию, оказалась бесценной. Вскоре французы приступили к производству собственного фарфора и даже превзошли немцев, которые к тому времени самостоятельно научились производить фарфор. Затем секрет фарфора стал известен в Англии и в других европейских странах, что пагубно сказывалось на многовековой китайской монополии, но отвечало интересам потребителей и бизнесменов.

Военный же шпионаж особенно широко распространился по Европе во время Наполеоновских войн, когда противники французского императора на собственном опыте убедились, что главный шпион Наполеона Карл Шультейстер помогал французской армии выигрывать сражения не хуже, чем ее доблестные маршалы. Шультейстер не только выводил планы противников Наполеона, но и передавал им неверные сведения о планах французов, приводившие австрийские и русские войска к сокрушительным поражениям. Массовый шпионаж наблюдался и во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов.

Во времена Наполеона была создана знаменитая курьерская служба банкирского дома братьев Ротшильдов. Вкупе с сетью торговых агентов (читай: шпионов) дома она являлась, возможно, самой эффективной частной разведкой своего времени. Курьер банкиров почти на сутки опередил курьера герцога Веллингтона с известием о победе над Наполеоном при Ватерлоо. Ротшильды узнали об исходе битвы первыми, на рассвете 20 июня 1815 года. Первое, что сделал Натан Ротшильд – сообщил о поражении Наполеона главе государства (именно Натану Ротшильду приписывают авторство фразы «Кто владеет информацией – тот владеет миром»).

Настоящий расцвет шпионского ремесла совпал с усовершенствованием военной техники. Если раньше прежде всего требовалось выведывать все о количестве войск противника и его диспозиции, то с появлением дальнобойных пушек и скорострельных ружей важнейшей информацией стали сведения о характеристиках этого оружия и способности промышленности выпускать его. Государства принялись защищать свои военно-промышленные тайны, и потому для проникновения в них потребовалось весьма значительное шпионское сообщество.

Некоторые шпионы действовали на свой страх и риск, предлагая добытые результаты представителям заинтересованных в информации держав. Но многие страны создавали обширные профессиональные разведывательные сети, занимавшиеся тотальным сбором любых маломальски ценных сведений. Параллельно, разумеется, создавались службы, призванные противодействовать этому. Разведка и контрразведка шли, что называется, рука об руку. Зачастую вместе с криминальной полицией – задачи и методы «контор» имели много общего.

Разведкой и контрразведкой, в частности, занимался и Аллан Пинкертон, создатель и глава легендарного американского сыскного агентства Pinkerton, Inc. Легендарным оно стало хотя бы потому, что за 150 лет существования агентства легенды о нем настолько переплелись с

реальностью, что порой уже трудно понять, где заканчивается правда и начинается вымысел. В любом случае, правда то, что Аллан Пинкертон и его бюро не однажды становились ключевыми фигурами поворотных моментов американской истории.

А ведь американская карьера выходца из Глазго могла сложиться совсем по-другому – начинал он как бондарь и даже прослыл в округе городка Данди лучшим специалистом-бочкоделом. Но как-то Аллан обнаружил тайное убежище фальшивомонетчиков и сдал их местному шерифу, потом – практически в одиночку – поймал известного мошенника и забросил бочки ради карьеры борца с преступностью.

Поначалу она была вполне успешной – Аллан получил место помощника шерифа в Чикаго. Но на государственной службе Пинкертон продержался недолго. И не потому, что не оправдал надежд полицейских начальников. Это начальники не оправдали его надежд – они оказались слишком уж зависимыми от местных властей, магнатов и даже преступных авторитетов. И Аллан Пинкертон решил стать первым в Чикаго частным детективом.

В 1850 году он основал собственную компанию с громким названием Национальное детективное агентство Пинкертона. В штате состояло 11 человек, включая самого Пинкертона (их стали называть «пинками»).

А в январе 1861 года Сэмюэль Фелтон, президент *Wilmington amp; Baltimore Railroad*, уже не раз прибегавший к услугам Пинкертона, срочно вызвал сыщика в Балтимор. Америка стояла на пороге гражданской войны, и Фелтон опасался возможного саботажа на железных дорогах со стороны сотрудников, сочувствующих южанам. Аллан Пинкертон, его правая рука Тимоти Вебстер, левая – Кейт Уорн и еще несколько агентов срочно прибыли на место. «Пинки» поселились в городе под вымышленными именами и начали слежку за предполагаемыми активистами. Опасения Сэмюэля Фелтона оказались не напрасными – саботаж действительно готовился.

ВЫЯСНИЛОСЬ, ЧТО ПЛАНЫ ЗАГОВОРЩИКОВ ГОРАЗДО ШИРЕ – ОНИ ГОТОВИЛИ ПОКУШЕНИЕ НА ПРЕЗИДЕНТА ЛИНКОЛЬНА.

Попутно выяснилось, что планы заговорщиков гораздо шире – они готовили покушение на президента Линкольна, который собирался остановиться в Балтиморе по пути из Филадельфии в Вашингтон. Пинкертон и Фелтон отправились к нему, чтобы предупредить об опасности. Обычно пренебрегавший подобными сообщениями Линкольн на этот раз прислушался. Было решено, что его поезд проедет Балтимор ночью, а не утром, как планировалось ранее, и вообще без остановки. Всю дорогу Пинкертон находился при президенте и не смыкал глаз. Когда поезд благополучно прибыл в Вашингтон, телохранитель отправил Фелтону телеграмму: «Сливы доставили в сохранности вместе с косточками».

После этого случая, получившего широкую огласку, имя героя было на устах у всей Америки. Но кто-то распустил слухи о том, что никакого заговора вовсе и не было. Что Пинкертон и Фелтон специально придумали каких-то террористов, чтобы повысить свою популярность. В конце концов в их искренности усомнился и Линкольн. Он отстранил Пинкертона от охраны собственной персоны и поручил это специально созданной службе. О Пинкертоне заговорили вновь, когда в 1865 году Линкольн был действительно убит. Тут же всплыла балтиморская история, и репутация агентства резко выросла. «Ведь они-то могли спасти нашего президента», – подумал средний американец и отправился в агентство с новыми заказами. Впрочем, это было уже после войны Севера и Юга, начавшейся через несколько недель после неудавшегося покушения, закончившейся за неделю до удавшегося и открывшей перед Пинкертоном новые направления деятельности.

В самом начале войны генерал северян Мак-Клеллан, ранее служивший главным инженером путей сообщения в штате Иллинойс и не раз становившийся свидетелем удачных операций агентов Пинкертона, попросил старого знакомого добыть информацию о численности

войск южан. Сыщик лично побывал в тылу врага и доставил необходимые сведения. Однако не дремала и разведка конфедератов. Военные операции северян проваливались одна за другой. Очевидно, не обошлось без шпиона. На одном из военных совещаний северяне решили создать мощную разведслужбу.

По рекомендации Мак-Клеллана дело поручили Пинкертону. Его агентство на время превратилось в прообраз нынешнего ЦРУ. «Пинки» работали день и ночь и наконец нашли виновников поражений. Это были служащие штаба, очарованные вашингтонской красавицей Розы Гринхау и передавшие ей детальные схемы с расположением войск и подробные сведения о количестве и видах вооружений, что роковым образом повлияло на ход сражений.

Пинкертон тоже решил сыграть роль очарованного и информированного штабиста. Когда перед Гринхау предстал майор Аллан, пожирающий ее глазами, она просто не могла не пригласить его к себе домой. Далее некоторые эпизоды в первоисточниках прописаны не очень внятно, но понятно, что дело окончилось арестом шпионки. Тут же, в ее доме, был проведен обыск. Самая ценная находка – красная записная книжица, где перечислялись курьеры и агенты южан.

Гринхау отомстила Пинкертону. Объектом ее мести стал Тимоти Вебстер, правая рука главы агентства, участвовавший вместе с ним в ряде операций, в частности в балтиморской. Лучше всего его способности проявились в годы войны. Вебстер сумел устроиться клерком Военного департамента конфедератов и сопровождал их секретную корреспонденцию. В пути он вскрывал пакеты, информировал «пинков» об их содержании, потом доставлял документы по назначению ничего не подозревавшему неприятелю.

И вот в самый сложный для северян период войны Линкольн, чтобы привлечь на свою сторону колеблющихся, решил сделать благородный жест – выпустить на свободу женщин, воевавших на стороне южан. В списке помилованных значилась и Розы Гринхау. Узнав об этом, Пинкертон попросил освободить женщин подальше от Вирджинии, где работал Вебстер и другие агенты, которых Гринхау знала в лицо. Но произошло роковое недоразумение: женщины были выпущены именно в Вирджинии. Дальше произошла роковая случайность: Гринхау встретила соратников Вебстера и опознала их. Агентов арестовали и казнили. Вскоре арестовали и Вебстера. 30 апреля 1862 года он был повешен в Ричмонде.

После этой истории Пинкертон подал прошение об отставке с поста главы разведслужбы, хотя и продолжал сотрудничать с правительством. В частности, разоблачал мошенников, которые нажились в годы войны на госзаказах. Похоже, именно тогда он окончательно понял, что его стихия – все же уголовщина, а не политика.

Женские штучки

О ней говорили: женищина-вамп, «кровавая танцовщица», промышленяющая шпионажем, решает судьбы воюющих народов и попутно превращает мужчин в свиней. Сокровища восточных падишахов доступны ей наравне с тайнами европейской дипломатии и политики. Она обладает неженскими талантами и неземной мудростью. Ей сопутствуют мистические страсти и помогают мистические силы. Возможно, именно она решила исход Первой мировой войны.

В 1905 году, когда восторженную девицу по имени Маргарета Гуртруда Целле занесло в Париж, ее от прочих восторженных девиц отличали лишь два качества. Во-первых, она испытывала непреодолимое отвращение к труду и полезной деятельности в любых ее проявлениях. Во-вторых, она из принципа никогда не говорила правды.

«Я родилась в Индии, в семье священной касты браминов (брахманов. – Прим. сост.). Моя мать умерла четырнадцати лет от роду. Меня удочерили священники храма и назвали Мата Хари, что означает «глаз утренней зари». В детстве я плела венки из цветов лотоса и украшала ими алтарь. Меня сделали священной танцовщицей храма и посвятили богу Шиве».

Этот бред заворуженно выслушивала парижская публика 1905 года.

«Мата Хари» и впрямь означает «глаз утренней зари». Чем, собственно, доля истины в ее замечательной биографии исчерпывалась. Но мода сезона требовала ориентальной экзотики. «Весь Париж» (полтора десятка снобов – персонажей колонки светской хроники) в буквальном смысле слова стонал от восторга.

Свое первое выступление в качестве «восточной танцовщицы» Маргарета совершила в парижском салоне мадам Киреевской. Именно там ее заметил месье Гиме, фабрикант и коллекционер, чьим именем сегодня назван крупнейший музей восточного искусства в Западной Европе.

Довольно быстро выяснилось, что прекрасная индианка готова лично продемонстрировать избранному кругу ценителей некоторые загадочные ритуалы. Проще говоря, пришелица изъявила готовность танцевать для не слишком широкого круга господ и дам при закрытых дверях. Если называть вещи своими именами – это был стриптиз, одобренный восточными благовониями и пестрыми тканями, от которых танцовщица без особых церемоний освобождалась.

Публике, разумеется, было совершенно безразлично, под каким из благовидных предлогов рассматривать обнажаемые ягодицы. Поклонники Маты Хари – самые высокопоставленные армейские чины, министры и князья, которым проклятое происхождение (или положение) не позволяло отправиться в обычный городской притон. Даже в дорогой.

Большинство подозревало об изрядной доле вымысла в историях Маты Хари. Однако никому не приходило в голову, насколько эта доля велика.

Паспорт у загадочной незнакомки, разумеется, имелся. Любопытствующего, ненароком заглянувшего в сей документ, ожидали сюрпризы. Маргарета Целле – гражданка Голландии, супруга пожилого армейского офицера, мать пятилетней дочери. Из семьи некогда почтенного голландского шляпника.

От скуки в своей голландской провинции Маргарета Целле томилась уже с двенадцати лет. И с трудом дождавшись совершеннолетия, немедленно предприняла первое же, что ей взбрело в голову. А именно: она отыскала в разделе брачных объявлений самое привлекательное и за три дня женила на себе слегка утомленного армейского офицера, которого она довольно быстро превратила в желчного старика.

Видит Бог, ее любовный темперамент требовал несколько более пылкого партнера. К тому же размеры офицерского жалования представлялись ей сугубым недоразумением. В придачу, она не усматривала решительно ничего дурного в том, чтобы время от времени (раз в четыре в неделю) изменять супругу с его армейскими коллегами. Трогательная любовь к мундирам сочеталась у нее с не менее трогательной привязанностью к вознаграждениям за эту любовь.

Короче говоря, родив ребенка, доведя мужа до физического, финансового и нервного истощения и снова заскучав, Маргарета Целле пересекла несколько границ и оказалась в Париже. Без денег, без талантов и без знакомств. Тут-то ей и пришлось изобрести Мату Хари – священную танцовщицу храма. Ее выступления на протяжении нескольких сезонов оставались самым модным мероприятием парижской жизни. Она могла без стеснения требовать гонорары, в которых ей никогда не отказывали. Тысяча золотых франков за танец представлялась высшему свету ценой вполне умеренной. (Средний заработок во Франции составлял тогда пять франков в день.) Однажды вечером ей заплатили десять тысяч.

Все деньги немедленно перемещались в карманы парижских модисток, ювелиров и партнеров по картам. Она никогда не снисходила до того, чтобы бросить взгляд на свои счета в отелях и ресторанах. Кроме того, каждый танец приносил ей улов в виде двух-трех одурманенных великосветских поклонников.

К несчастью, Мата Хари обладала небезобидным свойством – верить в фантазии собственного изготовления. Она всерьез считала себя непревзойденной танцовщицей и однажды даже устроила сцену совершенно изумленному Сергею Дягилеву. Последний отчего-то не пожелал взять ее на роль примы-балерины.

Кроме того, в ее сознании зародилась настойчивая, если не сказать навязчивая, идея. Ей захотелось миллиона франков. Фантазия эта была до чрезвычайности опасной и в высшей степени несвоевременной. Мода имеет тенденцию постоянно меняться. А в 1906-м Мата Хари достигла знаменательного возрастного рубежа – тридцатилетия. И через пару лет уже не смогла бы беззаботно сбрасывать с себя одежды, пусть и в тумане индийских благовоний. Со временем ей пришлось прибегнуть к посредству телесно-розового трико. Сама она считала подобную уловку вполне невинной. Чего нельзя было сказать о вооруженной морскими биноклями почтенной публике.

**ЖИЗНЕННАЯ МУДРОСТЬ, КОТОРУЮ МАТА ХАРИ УСВОИЛА
ТВЕРДО, ГЛАСИЛА: ВСЕГДА СЛЕДУЕТ ПРЕДУСМОТРЕТЬ КОГО-
ТО, КТО СТАНЕТ ОПЛАЧИВАТЬ ТВОИ СЧЕТА.**

Так и не сообразив, что, собственно, стало с ее ослепительной танцевальной карьерой, Мата Хари не задержалась на этом неприятном размышлении. Жизненная мудрость, которую она усвоила твердо, гласила: всегда следует предусмотреть кого-то, кто станет оплачивать твои счета. К ее удовлетворению, словосочетание «таинственная Мата Хари» по-прежнему оказывало на противоположный пол совершенно наркотическое воздействие. Прислуга самых разнообразных отелей Парижа, Амстердама и Берлина вскорости отказалась от затеи – запомнить хотя бы одного из ее посетителей в лицо. Чересчур уж часто они менялись.

Правда, чем старше становилась Маргарета Целле, тем дешевле становились отели. Финал блистательной карьеры вырисовывался довольно-таки бледный.

Но тут весьма кстати прихлалась Первая мировая война. Разумеется, Мата Хари ничего не смыслила в политике, стратегии, передвижении войск, снабжении и военной индустрии. Зато бегло говорила по-французски и по-немецки и испытывала прощительную и совершенно непреодолимую слабость к офицерам. Говорят, что на контакты с разведками всех стран ее подтолкнула безумная страсть к русскому красавцу-офицеру.

К началу войны ей довелось оказаться в Берлине. Что, собственно, и определило дальнейшее развитие событий. Мата Хари обратилась в штаб немецкой разведки и предложила свои услуги в качестве шпионки. Ну в самом деле, не в санитарки же было наниматься...

Пленительно прикрывая глаза, она грудным, тревожащим душу контральто намекала германскому офицеру, что ее связи с высшими военными, политическими и дипломатическими кругами Франции позволяют ей извлечь любые бумаги из любого сейфа. В обмен на эти драгоценные возможности ей требовался все тот же злополучный миллион. Теперь уже марок.

Ей галантно предложили взамен двадцать тысяч на первое время, торжественно присвоили секретный номер Н21 и отправили с миром во Францию. Задание у нее было не слишком, по ее понятиям, обременительное. Получить карты генерального наступления из сейфа отчего-то никто не пожелал. «Поезжайте, приглядитесь к настроениям, сообщите, что говорят в народе», – напутствовали ее вполне даже сердечно.

Однако миллиона марок все не присылали и не присылали. Г-жа Целле была вынуждена отправиться во французский разведштаб. Воодушевление французской разведки было еще скромнее. Здесь ей не выдали даже секретного номера, не говоря уже об авансе. И отправили отчего-то в Испанию.

Следует отметить, французы сразу заподозрили в Мате Хари двойного агента. И в Испанию ее выпихнули попросту во избежание недоразумений. В Мадриде милая дама, разумеется, окончательно запуталась: на кого она, собственно, работает. То есть кто, собственно, ей наконец заплатит? Она решала эту проблему частным образом – попеременно навещая дипломатов и офицеров.

Июль 1916 года. 12-го числа ее видели в обществе унтер-лейтенанта Алора.

С 15-го по 18-е – с бельгийским майором де Бофором.

30 июля – в объятиях офицера из Монте-Негро Йовилшевича.

Август. 3-е число, вторник. Она замечена сразу с двумя: русским офицером Масловым и английским унтер-лейтенантом Гэсфилдом.

На следующий день ее спутником становится итальянский унтер-офицер Мариани.

16 августа – офицер генерального штаба Жербо.

21 августа она замечена с неопознанным английским майором.

22-го ей удается увлечь ирландцев, сразу двоих: Джеймса Планкета и Эдвина О'Брайена.

24 августа, наконец, она оказывается в обществе французского генерала Баульсгартена.

А 31-го уединяется с британским военным чином Ферни Стюартом...

Разумеется, изощренный стратег мог бы усмотреть в этих перемещениях не менее изощренные наблюдения за рекогносцировкой войск противника. Разумнее все же предположить, что дама так решала проблему, кто же оплатит ее отель.

Кажется, фрау Целле так никогда и не поняла, почему ее вдруг подставили немцы. Берлин дал возможность Парижу перехватить три шифровки об агенте Н21. Шифр при этом был примитивен ровно настолько, чтобы шифровальные службы французов прочитали его немедленно. Мату Хари вызвали в Париж, где по прошествии короткого времени арестовали.

Ее обвинили в создании агентурной сети во Франции, Голландии, Бельгии и Испании, некой тайной миссии в Египте, в краже чертежей последней модели британского танка, в разглашении планов бомбардировок союзников. То же самое записала на ее счета легенда.

Пожалуй, лишь агент Н21 и его враждующие работодатели знали, что практическая польза от его прогулок по Европе была более чем скромна. Но Германия получила возможность списать на Мату Хари все свои шпионские достижения и спасти более ценных агентов.

Франция же, на третьем году войны катастрофически теряющая боевой дух, нуждалась в ужасающих примерах вероломства. И она их получила. Основной уликой на суде стали список денежных переводов от немецкого атташе и «секретные» чернила, найденные при аресте, которые, как она утверждала, были каплями от головной боли. Мата Хари заявила, что деньги

от военного атташе были подарком за ее любовь и если он требовал их возмещения, значит, он не является джентльменом, каковым она его считала. Она признала, что получила 20 тысяч франков в мае 1916 года от немецкого консула в Амстердаме. И с готовностью подтвердила, что консул сказал ей, будто это аванс за обеспечение немцев информацией о ее последующей поездке в Париж. Но она не собиралась давать ему никакой информации и считала эти деньги компенсацией за меха, отобранные у нее немцами в Берлине в 1914 году!

В придачу к эффектному расстрелу французское государство, создавшее легенду о супершпионке и приговорившее Мату Хари к смерти, получило от нее в наследство... стопку неоплаченных счетов...

Так что славу танцовщицы-содержанки сложно объяснить рационально. Ведь известных шпионок самого высокого уровня, добившихся реальных успехов на этом поприще, было достаточно и до нее, и после.

Даже не сильно напрягаясь, можно вспомнить, что филистимляне подготовили и обеспечили всем необходимым свою агентессу Далилу для того, чтобы она вывела тайну необычайной силы Самсона и обезвредила его (соблазнение и саботаж). Или то, что еврейская вдова Юдифь проникла в лагерь ассирийских войск и обезглавила командующего армией Олоферна (инфильтрация и ликвидация). Или то, что визит правительницы аравийского царства Саба, известной как Царица Савская, к Соломону на самом деле был разведывательной миссией, направленной к тому же на политическое разложение царства Соломона изнутри. Правда, ее миссия успехом не увенчалась, ибо Соломон провел упреждающую операцию – его шпионы похитили трон царицы и ее царские регалии, что, вкупе с мудростью самого Соломона, позволило ему успешно перевербовать царицу и присоединить Сабу к своему государству.

Если же вернуться в более близкое нам время, то можно припомнить хотя бы французскую Жозефину Бейкер. Негритянка родом из США, недоучившаяся в школе, стала танцовщицей и певицей (не правда ли, похоже?). В 1924 году она стала «черной звездой» Бродвея. В 1937 году получила французское гражданство и после начала Второй мировой войны сразу решила, что обязана защищать Францию. Ее зачислили в агентурную сеть. Жозефина обладала всеми необходимыми для агента качествами: красивая актриса, к которой тянулись даже убежденные нацисты, с глубоким интеллектом и великолепным чувством юмора, любящая подураться и – хорошо подготовленная для разведывательной работы. Сама пилотировала самолет и имела одно из первых «удостоверений пилота», выданных женщине во Франции. Гастролируя с концертами по Испании, Португалии, а также Марокко и прочим африканским странам, раскусила немало шпионов-гестаповцев и выполнила немало деликатных миссий. Например, обворожила Муллу Ларби Эль Алуи, хитрого визиря Марокко, настолько, что он стал снабжать ее ценной информацией.

**СЛОВО «КОШКА» СТАЛО СИМВОЛОМ СОПРОТИВЛЕНИЯ.
ПОЙМАТЬ «КОШКУ» ДЛЯ СОТРУДНИКОВ ГЕРМАНСКОЙ
КОНТРРАЗВЕДКИ СТАЛО ДЕЛОМ ЧЕСТИ.**

Или история Матильды Каррэ, которую – вот ирония! – прозвали «Матой Хари Второй мировой». Ее приобщил к разведделу офицер разведки ВВС Польши капитан Роман Чернявски, создатель агентурной сети «Интералле». Тот влюбился в Матильду и стал называть ее «моя кошечка». Так появилось «фирменное» начало передач: в Лондон пошли радиосообщения, начинающиеся словами: «Кошка сообщает...» Сеть «Интералле» держала под наблюдением военно-морские сооружения немцев и контролировала передвижения флота. «Кошка» стала известна всей Франции – у французов имелись радиоприемники, и по ним можно было услышать слова «Кошка сообщает...». Слово «Кошка» стало символом Сопротивления. Поймать «Кошку» для сотрудников германской контрразведки стало делом чести. Но дальнейший роман Матильды с немецким разведчиком перемешал все карты: Матильда стала двойным

агентом и выдала своих соратников из «Интераллье». Ее предательскую сущность французская разведка осознавала долго: в конце концов «Кошка» была приговорена к казни, но ей дали пожизненное заключение, через десять лет по амнистии Матильда была помилована.

А Доротея Ливен, супруга русского посла в Англии, графа Ливена? В первой половине XIX в. она и вовсе была фактическим резидентом русской разведки в Лондоне. Будучи родной сестрой шефа жандармерии Бенкендорфа, Ливен регулярно поставляла в Петербург сведения государственной важности. Как всякий разведчик, она должна была постоянно налаживать новые контакты, что и делала без оглядки на мораль и общественное мнение. В Лондоне в те времена ходила шутка: «В мире нет ничего такого, о чем нельзя было бы договориться, включая ночь с мадам Ливен».

Ее «воспитанница» светская львица Джейн Дигби, которую считают прабабушкой то современного гламура, то феминизма, оставалась в этом «бизнесе» до старости. Уже в преклонном возрасте она занялась торговлей оружием, наладив через британского консула в Дамаске поставки мезрабам (бедуинскому племени, за шейха которого Меджуэля она вышла замуж) новейших английских ружей, что резко повысило их военную мощь в конфликтах с другими племенами. Взамен англичане получали политическое влияние, а также знакомились с восточной культурой. Кстати, есть версия, что именно благодаря Джейн Дигби эль-Мезраб европейцы получили «Камасутру», – она отправила попавшее к ней в руки пособие по интиму через британского консула.

До самой кончины вокруг Джейн по-прежнему группировались шпионы и плелись политические интриги, ведь она оставалась английской аристократкой, к тому же единственной на всем Ближнем Востоке. Джейн Дигби скончалась 11 августа 1881 года в Дамаске в возрасте 74 лет. Ее жизнь, наполненную авантюрами и скандалами, можно считать эталоном гламурной саги. С соответствующим финалом: когда она умерла, шейх Меджуэль едва не сошел с ума от горя.

Были женщины, которые сумели преуспеть на поприще политической разведки, совмещая эту деятельность с научной и общественной. Такой была, например, Гертруда Белл – английская писательница, географ, археолог и общественный деятель.

Правда, первая ее шпионско-дипломатическая миссия закончилась почти провалом. После своего доклада в Королевском Географическом обществе в 1913 году о путешествиях по Ближнему Востоку и Месопотамии она получила официальное поручение – подготовить для общества серию фотографий и карт. Ее целью был древний город Хаиль, примерно в тысяче километров от отправного пункта. Там находилась резиденция принца ибн-Рашида, правителя центральной части полуострова. А уже из Хаиля она собиралась отправиться к ибн-Сауду, смертельному врагу ибн-Рашида, владельцу южных земель.

Турецкие власти, как всегда, подозревали, что эти карты отправятся прямиком в британское Министерство иностранных дел. И были очень близки к истине. Родная страна поставила перед Гертрудой важную задачу – содействовать сплочению разрозненных арабских племен под руководством Альбиона. Ходили слухи, что турки подкупили ибн-Рашида. Путешественница должна была это выяснить.

16 декабря 1913 года Белл снарядила свою партию, нагрузив 17 верблюдов и 8 мулов провизией на 4 месяца, походным снаряжением и подарками для вождей племен. Перед этим она встретила с одним из агентов принца ибн-Рашида и передала ему 200 фунтов, которые вскоре должны были ждать ее в Хаиле, – следовало перестраховаться от грабежей.

По ночам она вела путевой дневник, предназначенный даже не для себя, а для майора Чарльза Дауи-Уайли – своей безнадежной любви. Он был женат на ее близкой подруге и не мог оставить жену. Гертруда и Чарльз обменивались страстными письмами, встречались тай-

ком, и их роман с каждым днем становился все более мучительным. Так что миссия была для Гертруды чем-то вроде спасения: «Я уже погрузилась в пустыню, будто это мой родной дом. Тишина и одиночество опускаются на меня плотной вуалью. Я хотела бы, чтобы ты увидел пустыню и вдохнул воздух, который идет из самого источника жизни. Несмотря на пустоту и безмолвие, это прекрасно». Близ города Зиза свою госпожу нагнал слуга Фатух. Он привез ответные письма от Чарлза: «Ты сейчас в пустыне, а я в горах, в местах, где под облаками хочется сказать так много. Я люблю тебя. Становится ли тебе от этого легче там, где ты сейчас? Становится ли от моих слов пустыня менее огромной и бесприютной? Возможно, когда-нибудь я расскажу тебе об этом в поцелуе».

24 февраля 1914 года караван достиг Хаиля. Разбив лагерь за его стенами, Белл послала Фатуха к правителю. Вернулся «оруженосец» в сопровождении троих верховых, вооруженных пиками: оказалось, что эмир ибн-Рашид в отъезде, но его дядя Ибрагим, который остался наместником, готов принять ее. Гертруде показалось, что Фатух незаметно делает ей какие-то знаки, но им не удалось перекинуться даже словом.

Ворота Хаиля захлопнулись за караваном. Гости и хозяин обменялись приветствиями, и на этом... разговор завершился. Ибрагим только обронил, уходя, что, поскольку принц отсутствует, будет лучше, если госпожа подождет его здесь, в этих покоях. Сказано это было самым вежливым тоном, но Гертруда сразу поняла что к чему. Она под арестом.

Через пару недель она буквально ворвалась в эмирский сад. Меж фонтанов и деревьев гуляли эмирские же дети, наместник с придворными пил кофе в голубом павильоне. Британка завела разговор об отъезде, но все, как и ожидалось, только улыбались и подливали горячего напитка. Тогда в ярости – разыгранной ли, неподдельной ли – она вскочила с подушек, повернулась, ушла. И услышала за своей спиной молчание – лишь размеренно журчали фонтаны. Такой жест мог позволить себе только шейх, смельчак, привыкший повелевать.

Если бы в павильоне была дверь, Гертруда бы ею хлопнула. Она понимала, что нанесла наместнику обиду (как когда-то у бедуинов), которую тот не простит. Очутившись в своих покоях, Гертруда приготовила пистолет.

Но через некоторое время вошел главный евнух и объявил мисс Белл, что она свободна. Более того, протянул ей кошель с теми самыми двумя сотнями фунтов, которые она «перевела» сама себе в Хаиль. Гертруда едва успела. Армия ибн-Сауда была уже почти под стенами города. Ибн-Рашид готовился к активной обороне. Еще немного, и Белл очутилась бы под перекрестным огнем армий двух принцев. В этой зловещей предгрозовой атмосфере ей все же хватило времени на то, чтобы сделать альбом фотографий города, ради которого она пересекла пустыню.

Но в Англию она вернулась, не выполнив главного задания. Осенью 1914 года Ближний Восток уже представлял собой поле боя. Британия решительно вовлекла в войну арабов, пообещав им независимость в случае победы над османами.

В Лондоне произошла наконец тайная встреча Гертруды с тем, для кого она при свече, слушая, как хлопает на ветру ткань палатки, писала ночами свой дневник. Всего одна ночь вместе. Чарлз уже получил приказ отбыть в действующую армию для участия в десанте против султанских войск под Галлиполи. Там ему было суждено погибнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.